

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 159.98

М.Р. Арпентьева
Югорский государственный университет,
Ханты-Мансийск

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ И ИНФОРМАТИЗАЦИЯ КРИМИНАЛЬНОГО ПРОФИЛИРОВАНИЯ И ВЕРИФИКАЦИИ

Аннотация. Технологизация и информатизация криминального профилирования и верификации – две наиболее актуальные тенденции криминального профилирования. Последнее начинает занимать все большее место в досудебном и судебном расследованиях преступлений, верификации показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и постардавших и т. д. Вопрос достоверности показаний при наличии потенциальной способности подэкспертного к даче полноценных показаний – важнейший момент судебно-психологической экспертизы. Технологизация и информатизация этого процесса способствуют его стандартизации и верификации по отношению к научным моделям, нормативам и по отношению к диагностируемой реальности как таковой. Психологи неоднократно выдвигали и обосновывали гипотезу о качественных различиях показаний, основанных (правдивых, реальных) и не основанных (вымышленных, ложных) на пережитом субъектом опыте. Они разрабатывали и разрабатывают методики, позволяющие различить эти высказывания: потребность в подобном исследовании высока как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Судьям, принимающим решение о достоверности показаний, а также следователям полезно иметь знания и технологии, позволяющие оценить содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности». Однако возможности дифференциации достоверных и недостоверных показаний, по мнению целого ряда исследователей, до сих пор не имеют 100% достоверности. Некоторые психологи отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. По их оценкам, точность дифференциации «пережитых» (реальных) и «не пережитых» (выдуманных) событий достигает 90%, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера. О точности же решений судей и следователей исследований не проводится: статистические отчеты оправдания виноватых и осуждения невинных не осуществ-

вляются. Поэтому 90% достоверность – весьма высокий показатель применения научных психологических методов, которым могут и должны воспользоваться заинтересованные в истине, фактах, а не только лингвистических деконструкциях профессионалы в сфере юстиции. На этом пути особое внимание следует уделять именно инструментально-технологическим и цифровым методикам диагностики и оценки результатов диагностики: начиная от статистического анализа показателей достоверности и заканчивая кластерным и факторным анализом показаний и иных объектов исследования.

Ключевые слова: юридическая практика, судебно-психологическая экспертиза, профайлинг, верификация, полиграф.

M.R. Arpentieva
Ugra State University, Khanty-Mansiysk

TECHNOLOGIZATION AND INFORMATIZATION OF CRIMINAL PROFILING AND VERIFICATION

Abstract. Technologization and informatization of criminal profiling and verification are the two most actual trends of criminal profiling. The latter begins to be used more and more places in the pre-trial and judicial investigations of crimes, the verification of the testimony of suspects, accused, witnesses and victims, etc. The question of the reliability of the testimony in the presence of the potential ability of a sub-expert to give full-fledged testimony is the most important moment of forensic psychology. Technologization and informatization of this process contribute to its standardization and verification in relation to scientific models, norms and in relation to the diagnosed reality as such. Psychologists repeatedly made and substantiated the hypothesis about qualitative differences of evidence based (truthful, real) and not based (fictitious, false) on the experience lived through by the subject. They developed and are developing methods to distinguish these statements: the need for such research is high both in the conduct of investigative actions and in the judicial process. It is useful for judges, who decide on the reliability of the testimony as well as for investigators to have the knowledge and technology to assess whether the testimony contains signs of “psychological certainty.” However, the possibility of differentiating reliable and unreliable evidences, according to a number of researchers, still does not have 100% certainty. Some psychologists point out the illegitimacy of using a variety of qualitative and quantitative methods, in particular, content analysis of the meaning of evidences to identify “signs of reliability” in the framework of expert studies. According to their estimates, the accuracy

of differentiation of the “experienced”, real and “not experienced”, fictitious events reaches 90%, it is still insufficient to make an unambiguous decision of the incriminating nature. The accuracy of the decisions of judges and investigators is not carried out: statistical reports of justifying the guilty and condemning the innocent are not being implemented. Therefore, 90% reliability is a very high indicator of the application of scientific psychological methods that can and should be used by professionals interested in the truth, facts, and not just linguistic deconstruction, in the field of justice. In this way, special attention should be given to instrumental-technological and digital diagnostic methods and evaluation of diagnostic results: starting from a statistic analysis of reliability indicators ending with cluster and factor analysis of evidences and other objects of research.

Key words: legal practice, forensic psychological examination, profiling, verification, polygraph.

Введение. Технологизация и информатизация криминального профилирования и верификации – две наиболее актуальные тенденции криминального профилирования. Последнее начинает занимать все большее место в досудебном и судебном расследованиях преступлений, верификации показаний подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и постардавших и т. д. Технологизация и информатизация этого процесса способствуют его стандартизации и верификации по отношению к научным моделям, нормативам и по отношению к диагностируемой реальности как таковой. Современный мир, а с ним и мир правовой, интенсивно меняются. В юстицию входят новые доктрины, концепции, технологии и методики. Многие из них относятся к процессам поиска и доказательства вины подозреваемых, оценке ложности и правдивости показаний и т. д. [4; 25; 26; 31; 36]. Современная криминалистика в процессе досудебного и судебного расследований все больше обращается к психологическим и психофизиологическим технологиям, суммированным под названиями профилирование, верификация, полиграфологическая и, шире, судебно-психологическая экспертиза, а также медиация, посредничество, психологическая реабилитация и развитие [3; 4; 12; 13; 27; 37]. Однако как бы не был высок интерес, скепсиса и осторожности в позиции правоохранительной системы к психологическим методикам и технологиям, не меньше. И дело не только в том, что психологические подходы и технологии не всегда научно прочно обоснованы: юстиция сама не имеет прочных научных оснований. Дело в том, что психология представляет конкурирующий с юстицией взгляд на проблему «истины»: в психологии истиной является и то, что субъективно, в юриспруденции – истинно то, что доказано (с помощью логических и фактических доказательств). «Психологика» хотя и исследуется и используется сотрудниками правоохранительных структур (и обслуживающих совместно с ними интересы

государственного монолита психиатрических и здравоохранительных структур), но исследуется и используется в крайне усечённом: не отрефлексированном виде: «закон – что дышло», – гласит старая русская пословица, вполне отображающая суть отношения юстиции и ее сотрудников к миру и обоснованности тех или иных суждений о нем [1; 2; 3; 9; 16; 31; 32].

Основная часть исследования. В рамках решаемых судебно-психофизиологической экспертизой экспертных задач, первостепенные требования к валидности и надежности экспертных исследований обусловлены необходимостью первичного исследования специфики высших психических функций гнозиса, когнитивно-мнестической и эмоционально-волевой деятельности носителя идеальной следовой информации для диагностики потенциальной способности и актуальной возможности к адекватному отображению окружающей действительности в момент конретного события, сохранению идеальных следов события и передаче сведений, известных носителю, непосредственно или опосредованно. Формирование и совершенствование методологии, концепций, технологий и методик судебно-психологической (СПЭ) и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ), способности подэкспертного давать показания в российской и зарубежной судебной психологии дают возможность сформулировать несколько принципиальных условий эффективной и продуктивной экспертной практики [3; 4; 6; 32]. Выделение в качестве самостоятельных феноменов и предмета экспертного исследования потенциальной способности и актуальной возможности субъекта (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого и т. д.) точно и полно воспринимать и воспроизводить обстоятельства, имеющие большее или меньшее значение для расследования дела, давать о них более или менее развернутые и полноценные показания, а также вычленение влияющих на эти феномены факторов, позволяет достигать высокого качества и обоснованности экспертных заключений [7; 8; 10; 14]. В соответствии с методическими рекомендациями ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ и ФМИЦПН им. В.П. Сербского Минздрава РФ потенциальная способность определяется «нормальным функционированием сенсорных систем, обеспечивающих восприятие объектов и нормативностью психической деятельности подэкспертного, в том числе психических функций памяти, внимания, мышления, речи, а также социальных навыков» [5, с. 4; 16]. Актуальная возможность правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для дела, представляет собой конкретную реализацию потенциальной способности в различных ситуационных условиях.

В дальнейшем, алгоритм экспертного исследования должен строиться с учетом специфики поведенческого статуса и мотивационных компонентов коммуникации подэкспертного [4; 36].

а именно решать задачи исследования психодинамических признаков наличия либо отсутствия инсценировки в части сообщения идеальной следовой информации, а также решать задачи дифференциации между когнициями (информация, полученная вне ситуации, имеющей значение по уголовному делу) подэкспертного и реальными энграммами памяти (нейрофизиологическое отражение информации конкретного внешнего события, представленное в сознании человека как образ этого события). Под инсценировкой понимается осознанная, намеренная симуляция определенных обстоятельств, переживаний, поведенческих и речевых моделей в виде фальсификации и (или) сокрытия идеальной следовой информации.

Вопрос достоверности показаний при наличии потенциальной способности подэкспертного к даче полноценных показаний – второй важнейший момент экспертизы [11; 15; 19; 22]. У. Ундойчу принадлежит гипотеза о качественных различиях показаний, основанных (правдивых, реальных) и не основанных (вымышленных, ложных) на пережитом субъектом опыте. Он же пытался проверить ее на практике. Другие исследователи, в том числе М. Штеллер и Г. Кёнкен, пытались создать методики типа «Анализ качества высказываний» [5; 6; 16; 34], позволяющие различить эти высказывания: потребность в подобном исследовании высока как при проведении следственных действий, так и в судебном процессе. Судьям, принимающим решение о достоверности показаний, а также следователям полезно иметь знания и технологии, позволяющие оценить содержат ли свидетельские показания признаки «психологической достоверности» [17]. Однако возможности дифференциации достоверных и недостоверных показаний, по мнению целого ряда исследователей, до сих пор не имеют экспериментального обоснования. А. Врай (Фрай), Г. Кёнкен [22; 29; 30; 34] и другие психологи отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований [20; 25; 33; 34; 35]: хотя точность дифференциации «пережитых» (реальных) и «не пережитых» (выдуманных) событий достигает 90%, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера: решается не просто вопрос о вероятности вины и события, но и судьбе человека. Здесь можно отметить одно: ни одно решение судей не основано на 100% доказанности событий, более того, в современном мире, и, особенно в России, все больше случаев, когда для инкриминирования и осуждения достаточно только подозрения и/или некоторой заинтересованности инкриминируемых субъектов в осуждении человека. На этом пути психологическая экспертиза могла бы сказать свое веское слово, но, этому противятся и многие юристы, и многие психологи. Юристы не

заинтересованы в трансформациях правоохранительной системы, ущемляющей их полномочия и трансформирующей законы, а психологи часто интересуются больше сиюминутными выигрышами и проигрышами своей деятельности, что позволяет им игнорировать задачи научного обоснования и доказательства полноценности создаваемых ими и используемых ими методик, технологий, концепций и, конечно, методологий. «К сожалению, не существует методов, которые могли бы быть применены для различения между ложными и истинными воспоминаниями, поскольку их характеристики не всегда разнятся» [30, р. 16]. По мнению экспертов, применение контент-анализа показаний обосновано если есть уверенность в том, то свидетель сознательно обманывает следствие, а если свидетель «добросовестно» заблуждается, то «признаки достоверности» оказываются неприменимыми. Аналогично, затруднительно дифференцировать «большую или маленькую ложь». Особенно проблемными являются понятия, методики, подходы и псевдометодологии, предлагаемые предпринимателями в сфере полиграфологии, верификации и профайлинга [18]. За интересными названиями («синдром Пиноккио») и авторскими концепциями иногда не просматривается даже попытка научного обоснования и, как и в психологическом консультировании и медиации, превозносится часто несуществующая «жизненная мудрость» специалиста / эксперта. Вполне заслуженная критика таких «специалистов», однако бросает тень на все общество и науку, ее возможности в целом. Психологию до сих пор преподносят как науку «второго сорта»: к сожалению, популяризаторы и «монетизаторы» научных психологических знаний и методов, этому активно способствуют. Очень сложно также развести «юридическую» и «психологическую» компоненты достоверности: исследователи отмечают, не формулируя пояснения относительно соотношения используемых ими понятий, что «экспертиза направлена на субъекта, а не на информацию, которой он владеет» [5, с. 10; 16]. Предмет полиграфологической экспертизы (в этом контексте можно попытаться сузить) это не сама информация, а наличие в памяти субъекта конкретной «юридически релевантной», более или менее значимой для данного расследования информации. Эксперт-полиграфолог лишь диагностирует наличие сведений о каком-то из событий прошлого у подэкспертного. Хотя процессы познания мира, работы с информацией, и, в том числе, памяти не изучены полностью, однако это не говорит о том, что на основе полиграфологического исследования невозможно определить, какая именно информация содержится в памяти человека, напротив, данных, в том числе научных, вполне достаточно. Информация о значимости стимула извлекается из памяти, а, значит, можно изучать содержание памяти («Memory detection») [35]. Поэтому в некоторых странах, например в

Японии, специалисты которой используют, например, такую методику как ТнП – GKT – пришли к выводу, что ее тесты «являются исследованием памяти человека об обстоятельствах расследуемого преступления» [35], в США также считается, что *credibility assessment* (оценки достоверности) – это междисциплинарная область методов и процедур, предназначенных для оценки правдивости, основанных на использовании оценки физиологических параметров и поведения «с целью определения соответствия между содержанием памяти субъекта и его заявлениями», в которую, как следует из понятия междисциплинарности, включаются и психологические, и психофизиологические исследования и аспекты [28, р. 7]. Что касается полиграфа, то полиграф – это устройство, инструмент измерения физических параметров функционирования организма человека, применять который можно в самых разных целях (и для диагностики «лжи» / воображаемых знаний, и для диагностики «узнавания» реальных знаний, памяти и т. д.). Юрист, хотя и видит мир в терминах доказанности или недоказанности, не интересуется ее «психологическими» аспектами, в том числе, игнорирует консенсусную природу бытия. Иначе он бы просто отказался от себя и своей профессиональной деятельности. Дискуссии юнатуралистов и легистов во многом напоминают дискуссии психологов и юристов: попытка научного обоснования права и, в том числе, права одних людей судить других, обречена на провал. Юрист живет в полностью выдуманном мире, не способный часто видеть ничего кроме своей выдумки. Психолог, напротив, интересуется именно реальностью, пусть и ускользающей от него в бесконечном поиске «первооснов». Вследствие этого психолог нередко оказывается не способен понять, что именно «не понимает» в его экспертизе и понимании мира юрист. «Юридическая достоверность» судебного доказательства не предполагает только его соответствия иным доказательствам: оценка достоверности производится дознавателем, следователем, прокурором и судом [21, ч. ч. 3 и 4 ст. 88], но не экспертом-психологом, отдельно в отношении каждого доказательства. Психолог же начинает претендовать, как это видится юристу, на принадлежащую ему функцию оценки достоверности показаний и принятия решения о том, кто есть кто и что есть что в целом (на власть). При этом «субъект, ведущий производство по делу, должен выявлять лишь факт противоречия показаний другим доказательствам, тогда как достоверность самих показаний определяют эксперты» [5, с. 11], что, конечно, не соответствует УПК и традиционной системе юстиции. В итоге эксперты, анализирующие экспертные психологические методики и подходы «с учетом положений уголовно-процессуального законодательства (выделено нами – А.М.) Российской Федерации и состояния научно-исследовательских разработок в области свидетельских показаний», отмечают, что «в на-

стоящее время установление достоверности показаний путем назначения и проведения судебной экспертизы (психологической, психолого-психиатрической, какой-либо иной) на строго научной основе невозможно» [5, с. 11]. Это утверждение смелое с одной стороны, и понятное – с другой: психология, в отличие не только от юстиции, но даже от психиатрии, работающей в поле «положений классической психиатрии», при всей ее субъективности не ставит себя и свои положения (весьма многообразные, но не сведенные в единый закон или единую классификацию нарушений) на один уровень с реальностью, «научно-исследовательские разработки» которой она осуществляет. В психологии остается мир объективный и мир субъективный, в юриспруденции в роли объективного мира выступает мир законов, менять которые юриспруденция в состоянии только ради самой себя. Таким образом согласимся: «комплексное психолого-психофизиолого-психиатрическое исследование невозможно» – когда эксперты юстиции, психиатрии, психологии, социальной работы и т. д. не стремятся или не могут сотрудничать и не разработали соответствующих процедур и методик сотрудничества, а само сотрудничество не выгодно государству.

Заключение. Некоторые психологи и не психологи, опираясь на собственные интересы и представления, до сих пор отмечают неправомерность использования множества качественно-количественных методов, в частности, контент-анализа содержания показаний для выделения «признаков достоверности» в рамках экспертных исследований. По их оценкам точность дифференциации «пережитых», реальных и «не пережитых», выдуманных событий достигает 90%, она все же недостаточна для принятия однозначного решения инкриминирующего характера. О точности же решений судей и следователей исследований не проводится: статистические отчеты оправдания виноватых и осуждения невинных не осуществляются. Поэтому 90% достоверность – весьма высокий показатель применения научных психологических методов, которым могут и должны воспользоваться заинтересованные в истине, фактах, а не только лингвистических деконструкциях профессионалы в сфере юстиции [23; 24; 29; 33; 34]. На этом пути особое внимание следует уделять именно инструментально-технологическим и цифровым методикам диагностики и оценки результатов диагностики: начиная от статистического анализа показателей достоверности и заканчивая кластерным и факторным анализом показаний и иных объектов исследования.

Современная научно обоснованная судебная экспертиза с помощью полиграфа направлена на поиски идеальной следовой информации, а также на анализ иных аспектов состояния и переживаний человека, и включает в свой алгоритм выполнение трех методических задач: исследование потенциальной способности и актуальной

возможности к адекватному отображению следов, исследование механизма слеодообразования, а также исследование содержания следов (памяти). Задача повышения научной обоснованности результатов полиграфологической экспертизы – одна из важнейших задач ее развития, не означающая неспособности современных методов и подходов эффективно и продуктивно работать с информацией в рамках судебного и криминального расследования, в том числе при помощи цифровых технологий. О том, что достоверных фактов и выводов в сфере криминалистики и судебных разбирательств достичь трудно – нужно помнить всем участникам. Цифровые технологии – не панацея, однако они могут оказать существенную помощь в исследовании события преступления, личности подозреваемых и обвиняемых и т. д.

Список литературы

- 1 Аверьянова Т. В., Белкин Р. С., Корухов Ю. Г. *Российская криминалистика : учебник для вузов / под ред. Р. С. Белкина*. – Москва : Изд-во «НОРМА» (Издательская группа НОРМА-ИНФРА– М), 2000. – 990 с.
- 2 Арпентьева М. Р. Профайлинг как технология профессиональной безопасности // *Экология. Риск. Безопасность: материалы IV Общероссийской научно-практической очно-заочной конференции с Международным участием. 29-30 октября 2015 г.* – Курган : Курганский государственный университет, 2016. – 213 с. – С. 27-28.
- 3 Арпентьева М. Р. *Психологические аспекты правоохранительной деятельности: эссе по юридической психологии*. – Калуга : КГУ, 2018. – 270 с.
- 4 Арпентьева М. Р., Макаренко И. А. *Судебная и криминалистическая психологическая диагностика: методы профилирования, верификации и использования полиграфа : монография*. – Москва-Калуга : КГУ им. К.Э. Циолковского, Академия Детекции Лжи, 2018. – 260 с.
- 5 Аснис А. Я., Васкэ Е. В., Дозорцева Е. Г., Сафуанов Ф. С., Шишков С. Н., Шипшин С. С., Ошевский Д. С., Бердников Д. В., Секераж Т. Н., Калинина А. Н. «О неправомерности определения достоверности показаний путём судебной экспертизы» Информационное письмо. – Москва, Научно-методический совет ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Протокол № 6 от «15» июня 2016 года), Ученый совет ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол № 7 от «20» июня 2016 года), 2016. – 17 с. URL: <http://srccs.su/wp-content/uploads/2013/07/Minjust-protiv-dostovernosti.pdf> (дата обращения: 10.03.2018).
- 6 Енгальцев В. Ф., Крацова Г. К., Холопова Е. Н. *Судебная психологическая экспертиза по выявлению признаков достоверности/недостоверности информации, сообщаемой участниками уголовного судопроизводства (по видеозаписям следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий) : монография*. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 328 с.
- 7 *Комментарий к Уголовному кодексу РФ / под ред. В.М. Лебедева*. – Москва : Юрайт-Издат, 2004. – 361 с.
- 8 Макаренко И. А. *Классификация следственных ситуаций, возникающих при производстве вербальных следственных действий с участием несовершеннолетнего обвиняемого // Вестник Башкирского университета*. – 2012. – Т. 17. – № 2. – С. 1115–1119.
- 9 Макаренко И. А. *Технология контактной экспертной детекции идеальной следовой информации в судебной экспертизе // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*. – 2016. – № 2. – С. 333–339.
- 10 *Обзор кассационной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2012 года // Верховный суд РФ*. – 2012. 3 апреля. – С. 1–22.
- 11 *Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 января 2017 г. по делу № 5-АПУ17-2 // Верховный суд РФ*. – 2017. 9 марта. – С. 1–15.
- 12 Питерцев С. К., Степанов А. А. *Тактические приемы допроса : учеб. пос.* – Санкт-Петербурга, 2006. – 56 с.
- 13 Профайлинг и медиация: сферы, ценности, технологии, обучение : коллективная монография. Серия «Актуальные проблемы практической психологии: кризис, развитие, поддержка» / отв. ред. М. Р. Арпентьева. – Калуга : Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Эйдос, 2016. – Вып. 2. – 290 с.
- 14 Сафуанов Ф. С. *Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : научно-практическое пособие*. – Москва : Гардарика, Смысл, 1998. – 192 с.
- 15 Сафуанов Ф. С. *Использование психологических познаний при производстве новых видов судебно-психиатрической экспертизы // Новые виды судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе. Применительно к закону РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»*. – Москва : Изд-во Центра защиты прав и здоровья граждан, 1993. – С. 87–99.
- 16 Сафуанов Ф. С., Савина О. Ф., Морозова М. В., Исаева И. В. *Критерии судебно-психологической экспертной оценки юридически релевантных эмоциональных состояний у обвиняемых : методические рекомендации*. – Москва : ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. – 28 с.
- 17 Ситковская О. Д. *Психология свидетельских показаний : научно-методическое пособие*. – Москва : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2007. – 80 с.
- 18 Спирица Е. В. Профайлингово-полиграфическое исследование: лекции по 8 базовым адаптивным реакциям // *Материалы семинара-тренинга для специалистов-полиграфологов : тренинг «Оперативная психодиагностика людей : как узнать всю правду про собеседника за 3 минуты»*. – Екатеринбург, 2012. – 300 с.
- 19 Суворова Л. А. *Идеальные следы в криминалистике : дис. ... канд. юрид. наук*. – Воронеж : ВГУ, 2005. – 245 с.
- 20 Ткаченко А. А., Морозова М. В., Савина О. Ф. *Психолого-психиатрические аспекты оценки уголовно-процессуальной дееспособности // Российский психиатрический журнал*. – 2014. – № 2. – С. 12–17.
- 21 *Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (редакция от 19.02.2018) // Консультант-плюс*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 10.03.2018).
- 22 Фрай О. Ложь. Три способа выявления лжи. – Санкт-Петербург : ПРАЙМ-Еврознак, 2006. – 286 с.
- 23 Холодный Ю. И. *Судебно-психологическая экспертиза с применением полиграфа // Вестник криминалистики*. – 2008. – Вып. 1 (25). – С. 25–33.
- 24 Холодный Ю. И. *Судебно-психологическая экспертиза с применением полиграфа // Вестник криминалистики*. 2009. – Вып. 1 (29). – С. 50–59.
- 25 Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. *Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis // Applied Cognitive Psychology*. – 2014. – Vol. 28. № 1. – P. 79-90. doi: 10.1002/acp.2959.
- 26 Colewell K., Hiscock C.K., Memnon A. *Interviewing techniques and the assessment of statement credibility // Applied Cognitive Psychology*. – 2002. – Vol. 16. № 3. – P. 287-300. doi: 10.1002/acp.788.
- 27 Dettenborn H., Frohlich H.-H., Szewczyk H. *Forensische Psychologie / H.Dettenborn, H.-H.Frohlich, H. Szewczyk*. Berlin: VEB DeutscherVerlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.
- 28 DoDD 5210.48 от 25.01.2007. *Incorporating Change 2, Effective November 15, 2013. Renames the Defense Academy for Credibility Assessment (DACA) the National Center for Credibility Assessment (NCCA) [Электронный ресурс]*. - USA, Washington: Military and Government Specs & Standards (Naval Publications and Form Center) (NPF), 2007, 2013. – 7p. URL: <http://standards.globalspec.com/standards/detail?familyId=MFXXG EAAAAAAAAAAAAA> (дата обращения: 10.03.2018)
- 29 Kohnken G. *Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen)Aussagen / G.Kohnken*.

- N. Saimeh (Hrsg.) *Kriminalitätsbiographisches Scheitern. Forensik als Lebenshilfe?* Bonn: Psychiatrie-Verlag, 2010. S. 50-62
- 30 Kohnken G., Manzanero A.L., Scott M.T. Statement validity assessment: myths and limitation // *Anuario de Psicología Jurídica*. 2015. – N° 25. – P. 13-19. doi: 10.1016/j.apj.2015.01.004.
- 31 Nelson K. Remembering and telling: A Developmental story // *Journal of Narrative and Life History*. – 1991. – №1. – P. 109- 127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi.
- 32 Psychodiagnostics, counselling and mediation professional and unprofessional relationships / Ed. by M. R. Arpentieva // *Ser.. Actual problem of the practical psychology*. –Canada: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., Russia, Kaluga: K.E. Tsiolkovskiy Kaluga state University Publishing house, 2018. – Vol. 3. – 650p.
- 33 Sporer S., Blandon-Gitlin I., Masip J., Hauch V. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis // *EAPL + World Conference 2015* (Nuremberg, Germany, 4-7 August 2015). Abstracts. – Nuremberg, Germany, EAPL, 2015. – P. 238.
- 34 Steller M., Kohnken C. Criteria-Based Content Analysis // *Psychological methods in criminal investigation and evidence* / D. C. Raskin (Ed.). – New York: Springer-Verlag, 1989. – P. 217-245
- 35 Verschuere B., Ben-Shakhar G., Meijer E. Memory detection : theory and application of the concealed information test . – Cambridge : Cambridge University Press, 2011. – xvii, 319 p.
- 36 Volbert R., Steller M. Glaubhaftigkeit / T. Bliesener, F. Losel, G. Kohnken (Hrsg.) *Lehrbuch der Rechtspsychologie*. – Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. – S. 391-407.
- 37 Wells G., Loftus E.F. Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique // *The suggestibility of children's recollections* / J. Doris (Ed.). – Washington, DC: American Psychological Association, 1991. – P. 168-171.
- 38 Wojciechowski B. Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis / *EAPL + World Conference 2015* (Nuremberg, Germany, 4 – 7 August 2015). Abstracts. – Nuremberg, Germany, EAPL, 2015. – P. 292-293.

References

- 1 Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G. *Russian criminalistics. Textbook for high schools*. Ed. R.S. Belkin. Moscow: Publishing House NORMA (Publishing Group NORMA-INFRA-M), 2000. 990 p. (In Russian)
- 2 Ansin A.Ya., Vaske E.V., Dozortseva E.G., Safuanov F.S., Shishkov S.N., Shipshin S.S., Oshevsky D.S., Berdnikov D.V., Sekierz T.N., Kalinina A.N. "On the illegitimacy of determining the reliability of testimony through forensic examination" *Information letter* [Electronic resource]. Moscow, Scientific and Methodological Council of the FBU RFCCS at the Russian Ministry of Justice (Minutes No. 6 of June 15, 2016). Scientific Council of the FGBU "FITSPN im. V.P. Serbina" Ministry of Health of Russia (Minutes No. 7 of June 20, 2016), 2016. 17p. URL: <http://srccs.su/wp-content/uploads/2013/07/Minyust-protiv-dostovernosti.pdf> (accessed 10.03.2018) (In Russian)
- 3 Arpentieva M.R. Profiling as a technology of professional security. Ecology. Risk. Security: materials of the IV All-Russian scientific-practical full-time conference with international participation. October 29-30, 2015, Kurgan. Kurgan: Kurgan State University, 2016. 213 p. P.27-28. (In Russian)
- 4 Arpentieva M.R. Psychological aspects of law enforcement: an essay on legal psychology. Kaluga: KSU, 2018. 270p. (In Russian)
- 5 Arpentieva MR, Makarenko I.A. Forensic and forensic psychological diagnosis: methods of profiling, verification and use of polygraph. Monograph. Moscow-Kaluga: KSU them. K.E. Tsiolkovsky, Academy of Detection of Lying, 2018. 260 p. (In Russian)
- 6 Engalychev VF., Kravtsova G.K., Kholopova E.N. Forensic psychological examination to identify signs of reliability / unreliability of information reported by participants in criminal proceedings (from video recordings of investigative actions and operational-search activities): monograph. Moscow: YurLitinform, 2016. 328 p.
- 7 Lebedev V.M. (ed.) *Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation*. Moscow: Yurayt-Izdat, 2004. 361p. (In Russian)
- 8 Makarenko I.A. Classification of investigative situations arising during the production of verbal investigative actions involving a minor accused. *Bulletin of the Bashkir University*. 2012. T. 17. No. 2. P. 1115-1119. (In Russian)
- 9 Makarenko I.A. Technology of contact expert detection of ideal trace information in forensic examination. *Izvestiya of Tula State University. Economic and legal sciences*. 2016. №2. P.333-339. (In Russian)
- 10 Review of the cassation practice of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation for the second half of 2012. *The Supreme Court of the Russian Federation*. 2012. The 3rd of April. P.1-22. (In Russian)
- 11 Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of January 26, 2017 in the case No. 5-APU17-2. *Supreme Court of the Russian Federation*. 2017. 9 March. P.1-15. (In Russian)
- 12 Pitertsev S.K., Stepanov A.A. Tactical methods of interrogation: Textbook. SanktPeterburg, 2006. 56 p. (In Russian)
- 13 Profiling and mediation: spheres, values, technologies, training. Collective monograph. Series "Actual problems of practical psychology: crisis, development, support." Issue. 2. / Ed. M.R. Arpentieva. Kaluga: K.E. Tsiolkovskiy Kaluga State University, Eidos, 2016. 290p. (In Russian)
- 14 Safuanov F.S. *Judicial-psychological examination in the criminal process: Scientific and practical manual*. Moscow: Gardarika, Sense, 1998. 192p. (In Russian)
- 15 Safuanov F.S. Use of psychological knowledge in the production of new types of forensic psychiatric examination. New types of forensic psychiatric examination in the civil process. Applied to the law of the Russian Federation "On psychiatric care and guarantees of the rights of citizens in its provision." Moscow: Publishing Center for the Protection of Rights and Health of Citizens, 1993. P. 87-99.
- 16 Safuanov F.S., Savina O.F., Morozova M.V., Isaeva I.V. *Criteria for forensic psychological expert assessment of legally relevant emotional states in the accused: Methodological recommendations*. Moscow: V.P. Serbskiy, Ministry of Health of Russia, 2016. 28 p.
- 17 Sitkovskaya O.D. *Psychology of testimony: Scientific and methodological manual*. Moscow: Publishing house of the Research Institute of Problems of Strengthening the Legality and Law and Order in the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2007. 80p.
- 18 Spiritsa, EV *Profiler-polygraphic study: lectures on 8 basic adaptive reactions. Proceedings of the seminar-training for polygraph specialists: training "Operative psychodiagnostics of people: how to learn the whole truth about interlocutor for 3 minutes"* Ekaterinburg, 2012. 300 p.
- 19 Suvorova L.A. *Ideal traces in forensics. Dis. ... cand. jurid. sciences* Voronezh: VSU, 2005. 245 p. (In Russian)
- 20 Tkachenko A.A., Morozova M.V., Savina O.F. *Psychological and psychiatric aspects of the evaluation of criminal procedural capacity*. *Russian Psychiatric Journal*. 2014. №2. P. 12-17.
- 21 *The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation of December 18, 2001 № 174-FZ (revised version of 19.02.2018)*. [Electronic resource]. Consultant-plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (accessed 10.03.2018) (In Russian)
- 22 Fry O. Lying. Three ways to detect lies. Sankt Peterburg: PRIME-Euroznak, 2006. 286 p. (In Russian)
- 23 Holodnii Yu.I. Forensic psychophysiological examination with the use of polygraph. *Bulletin of Criminalistics*. 2008. Issue. 1 (25). P. 25-33. (In Russian)
- 24 Holodnii Yu.I. Forensic psychophysiological examination with the use of polygraph. *Bulletin of Criminalistics*. 2009. Issue. 1 (29). P. 50-59. (In Russian)
- 25 Bogaard G., Meijer E.H., Vrij A., Broers N.J., Merkelbach H. Contextual Bias in Verbal Credibility Assessment: Criteria-Based Content Analysis, Reality Monitoring and Scientific Content Analysis. *Applied Cognitive Psychology*. 2014. Vol. 28. № 1. P. 79-90. doi: 10.1002/acp.2959.
- 26 Colewell K., Hiscock C.K., Memnon A. Interviewing techniques and the assessment of statement credibility. *Applied Cognitive Psychology*. 2002. Vol. 16. № 3. P. 287-300. doi: 10.1002/acp.788.
- 27 Dettenborn H., Frohlich H.-H., Szewczyk H. *Forensische*

Psychologic. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1984. P. 394.

28 DoDD 5210.48 om 25.01.2007. Incorporating Change 2, Effective November 15, 2013. Renames the Defense Academy for Credibility Assessment (DACA) the National Center for Credibility Assessment (NCCA) [Electronic resource].- USA, Washington: Military and Government Specs & Standards (Naval Publications and Form Center) (NPFC), 2007, 2013. 7p. URL: <http://standards.globalspec.com/standards/detail?familyId=MFXXG EAAAAAAAAAAAAA> (accessed 10.03.2018)

29 Kohnken G. Mythen und Missverständnisse bei der Beurteilung von (Zeugen)Aussagen. N. Saimeh (Hrsg.) Kriminalitätsbiographisches Scheitern. Forensikals Lebenshilfe. Bonn: Psychiatrie-Verlag. 2010. S. 50-62.

30 Kohnken G., Manzanero A.L., Scott M.T. Statement validity assessment: myths and limitation. Anuario de Psicología Jurídica. 2015. N° 25. P. 13-19. doi: 10.1016/j.apj.2015.01.004.

31 Nelson K. Remembering and telling: A Developmental story. Journal of Narrative and Life History. 1991. №1. P. 109-127. doi: 10.1075/jnlh.1.1.05chi.

32 Arpentieva M. R. (Ed.), Psychodiagnostics, counselling and mediation professional and unprofessional relationships. Ser.. Actual problem of the practical psychology. Canada: Altaspera Publishing & Literary Agency Inc., Russia, Kaluga: K. E. Tsiolkovskiy Kaluga state University Publishing house, 2018. Vol. 3 650p.

33 Sporer S., Blandon-Gitlin I., Masip J., Hauch V. Content cues to veracity: A meta-analysis of the validity of Criteria-Based Content Analysis. In: EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4-7 August 2015). Abstracts. Nuremberg, Germany, EAPL, 2015. P. 238.

34 Steller M., Kohnken C. Criteria-Based Content Analysis. In: D. C. Raskin (Ed.). Psychological methods in criminal investigation and evidence. New York: Springer-Verlag, 1989. P. 217-245

35 Verschuere B., Ben-Shakhar G., Meijer E. Memory detection : theory and application of the concealed information test. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. xvii, 319 p.

36 Volbert R., Steller M. Glaubhaftigkeit. Lehrbuch der Rechtspsychologie. T. Bliesener, F. Losel, G. Kohnken (Hrsg.) Bern: Verlag Hans Huber, Hogrefe AG, 2014. S. 391-407.

37 Wells G., Loftus E.F. Commentary: Is this child fabricating? Reactions to a new assessment technique. The suggestibility of children's recollections/ J. Doris (Ed.). Washington, DC: American Psychological Association, 1991. P. 168-171.

38 Wojciechowski B. Classification tree: A step forward to standardized and accurate content analysis. In: EAPL + World Conference 2015 (Nuremberg, Germany, 4 7 August 2015). Abstracts. Nuremberg, Germany, EAPL, 2015. P. 292-293.